

Книга 13 банкиров

В плену у Уолл-стрит и в ожидании следующего финансового краха

Саймон, Джонсон, Джеймс Квак
Pantheon Books, 2010
Также есть на следующих языках: Английский

Рецензия BooksInShort

Авторы этого увлекательного исследования приходят к выводу, что, несмотря ни на какие разговоры о возникновении “нового мирового порядка” после разрушительного финансового кризиса 2007-2009 годов, на Уолл-стрит в действительности мало что изменилось. Деньги и власть теперь сосредоточены в руках меньшего количества людей, чем раньше, однако базовые принципы финансового Вавилона (минимальное вмешательство государства и господство на рынке нескольких огромных банков) по-прежнему остаются в силе. Авторы книги (бывший главный экономист МВФ и бывший консультант McKinsey) прямо говорят о том, что банкиры слишком долго позволяли себе все что угодно, и сейчас правительство должно наконец принять меры к разукрупнению гигантских банков США. Эта достаточно оригинальная авторская идея идет вразрез с мнениями большинства, хотя сама по себе тема книги в принципе не нова. По мнению *BooksInShort*, эта книга будет интересна не только специалистам, которые стремятся понять подлинные механизмы работы банковской системы США, но и рядовым налогоплательщикам.

Основные идеи

- Экономический кризис дал президенту США возможность разукрупнить гигантские банки Уолл-стрит, однако он предпочел спасти их от банкротства.
- Это говорит о том, насколько глубоко идеологические установки Уолл-стрит укоренились в сознании американцев.
- Президент США Джефферсон опасался создавать Центральный банк.
- Банковский кризис 1907 года подтолкнул Конгресс к созданию ФРС.
- Великая депрессия дала президенту Рузвельту возможность ужесточить государственное регулирование банковского сектора.
- В итоге банковская система США стабильно работала до конца 1970-х годов.
- В 1980-е годы был принят ряд мер по сокращению вмешательства государства в экономику, и в результате банки начали охотнее заниматься высокорисковыми сделками.
- В конце юнцов в США сложилась “банковская олигархия”, опиравшаяся на деньги, влияние и “идеологический” капитал.
- Недавний “пузырь” на рынке недвижимости наглядно продемонстрировал опасность бесконтрольного использования финансовых инноваций.
- По окончании рецессии крупнейшие банки США стали еще крупнее.

Краткое содержание

Кто спас банкиров от народного гнева?

Вина за Великую рецессию 2007-2009 годов всецело лежит на крупнейших банках США, которые необдуманно занимались чрезмерно рискованными сделками и в итоге подорвали мировую экономику. Однако когда в марте 2009 года 13 руководителей ведущих американских банков встретились с президентом Обамой, они не услышали от него критики в свой адрес. Обама не стал говорить, что эти банки заслуживают банкротства, а их руководители, которые довели экономику до катастрофы, должны покинуть свои посты. Как ни странно, президент фактически выступил в защиту банков. “Только благодаря моей администрации вас до сих пор не подняли на вилы”, – сказал банкирам Обама.

“Если они слишком велики, чтобы их можно было обанкротить, значит, они и вправду чересчур велики”. (бывший председатель ФРС Алан Гринспен)

В ходе предвыборной кампании Обама выступал за умеренное реформирование инвестиционных банков, а теперь настало время, когда банкам понадобилась помощь государства. Трудно было представить более удачную ситуацию для того, чтобы начать реформирование банковских колоссов. Хотя Обама мог диктовать им практически любые условия, он предпочел не ломать систему, которая сама наломала столько дров. Президент встал на сторону банкиров, в очередной раз показав, насколько глубокие корни в обществе пустила идеология Уолл-стрит.

“...Вскоре общество вновь начнет поощрять рискованные сделки, а усилия по сдерживанию рисков будут наталкиваться на сопротивление. В итоге это приведет к новым кризисам, гораздо более острым”. (бывший председатель ФРС Пол Волкер, сентябрь 2009 года)

Крупнейшие американские банки всегда старались поддержать идею о том, что их базовые ценности – минимум вмешательства государства и развитие финансовых инноваций – якобы совпадают с ценностями всего человечества. Банки распространяют этот тезис, используя традиционные инструменты сильных мира сего – полчища лоббистов и внушительные отчисления политикам. Однако самое мощное оружие в их руках – это идеология. Когда произошел обвал рынков, политики стали сомневаться в непогрешимой мудрости Уолл-стрит, однако вера в нее настолько укоренилась в их умах, что они с готовностью выслушали аргументы банкиров против ужесточения госрегулирования финансового сектора. По сути дела, банки Уолл-стрит – это новая американская олигархия, которая завоевывает политическую власть, обладая экономическим влиянием, а затем использует эту власть в своих интересах. После коллапса финансовых рынков страна заплатила этой олигархии более чем щедрую цену – миллионы людей остались без работы, на миллионы домов были обращены взыскания, миллиарды долларов перекочевали из карманов налогоплательщиков в финансовый сектор. А сам отказ от послекризисных реформ говорит о том, что в США созрели условия для новой катастрофы, которая может стать еще разрушительнее, чем предыдущая.

Исторические корни недоверия к крупным банкам

Финансовое могущество Америки сегодня ассоциируется с крупными банками, однако так было не всегда. Третий президент США Томас Джефферсон весьма настороженно относился к слишком мощным банкам. В конце 1780-х – начале 1790-х годов Александр Гамильтон, министр финансов в правительстве Джорджа Вашингтона, возражал Джефферсону и выступал за создание Центрального банка США, который управлял бы всеми государственными деньгами. Гамильтон считал, что неокрепший финансовый рынок Америки должен быстро развиваться, чтобы создать условия для экономического роста. Джефферсон и его преемник на посту президента Джеймс Мэдисон основали Демократическо-республиканскую партию – в противовес Федералистской партии Гамильтона, выступавшей за создание Центрального банка. Аргументы Гамильтона оказались верны. Именно благодаря его политике в американской экономике удалось создать стабильные условия для банковской и инвестиционной деятельности. Но если Гамильтон справедливо утверждал, что наличие Центрального банка повысит эффективность работы экономики, то Джефферсон предупреждал, что крупные финансовые учреждения со временем могут получить слишком большую власть.

“Противостояние между центрами финансового могущества и демократически избранным правительством столь же старо, как и сама американская республика”.

Банковская паника 1907 года убедила деловых лидеров в том, что стране все-таки необходим Центральный банк. Отсутствие такой структуры в условиях слабо регулируемого финансового рынка и высокой концентрации промышленных предприятий стало казаться опасным. В 1910 году группа крупных банкиров во главе с сенатором Нельсоном Олдричем предложила план создания Центрального банка. Политики подвергли этот план жесткой критике. Так или иначе, в 1913 году президент Вильсон все-таки подписал закон о создании Федеральной резервной системы. Руководители ФРС вовсе не собирались брать банки в ежовые рукавицы. Первым президентом отделения ФРС в Нью-Йорке стал Бенджамин Стронг, либеральные взгляды которого позволили банкирам брать на себя столько рисков, сколько заблагорассудится.

“Джефферсон и Джексон считали, что существование Центрального банка способно подорвать нормальную работу демократического правительства”.

Таким образом, работа ФРС в ее первоначальном виде была, по сути, обречена на провал. Могущество банков и слабость рычагов госрегулирования сыграли особенно пагубную роль в 1920-е годы, когда президенты Гардинг и Кулидж практически свели на нет вмешательство государства в экономику. В 1929 году случился крах фондового рынка, за которым последовала Великая депрессия, и государство было вынуждено ужесточить контроль за работой банков. Когда президентом США стал Рузвельт, правительство перешло к решительным мерам. В частности, был принят закон Гласса–Стиголла, который провел четкую грань между инвестиционными и коммерческими банками, запретив последним заниматься инвестиционной деятельностью, поскольку в коммерческих банках хранились деньги рядовых вкладчиков и их нужно было защитить от банкротства. Кроме того, правительство учредило Федеральную корпорацию страхования депозитов, призванную защищать банки от возможного разорения, запретило банкам расширять их деятельность за пределы своего штата и наделило новыми полномочиями ФРС, в том числе дав ей право регулировать процентные ставки по депозитам.

Новое начало азартных игр

В условиях довольно жесткого государственного регулирования американские банки утратили охоту к рискованным экспериментам. Банкиры шутили, что они стали придерживаться “правил 3-6-3”: взять деньги у вкладчиков под 3%, дать ссуду под 6% и прибыть на поле для гольфа к 3 часам дня. В итоге, начиная со Второй мировой войны и вплоть до конца 1970-х годов, банковская система США характеризовалась поразительной стабильностью; за весь этот период в отрасли практически не было банкротств. Эпоха стабильности завершилась, когда госрегулирование вновь начало слабеть. Вначале произошла отмена фиксированных комиссионных за брокерские услуги. В некогда спокойной и комфортной среде обитания брокеров началась ожесточенная конкуренция. Затем были отменены фиксированные процентные ставки по депозитам. В условиях высокой инфляции вкладчиков перестали удовлетворять 3% годовых, и Конгресс упразднил регулирование процентных

ставок в коммерческих банках. Затем правительство разрешило ссудно-сберегательным учреждениям выдавать кредиты с повышенным риском, тем самым обострив конкуренцию. Ограничение отменялось за ограничением, и в моду вошла так называемая “гипотеза эффективного рынка”, гласившая, что любая важная информация немедленно отражается на котировках акций. В 1970 году экономист Юджин Фама разъяснил недостатки этой гипотезы, однако банкиры и политики приняли ее за руководство к действию.

“В 1920-е годы, в условиях политики, направленной против государственного регулирования... пышным цветом расцвели финансовые спекуляции инвестиционных банков,... которые, не будучи ничем и никем ограничены, продавали ценные бумаги всем подряд”.

В 1979 году в Великобритании пришла к власти Маргарет Тэтчер, в США в 1980 году президентом стал Рональд Рейган, и отказ от вмешательства государства в экономику стал лейтмотивом развития финансового сектора. Рейган вслед за экономистом Милтоном Фридманом рассматривал отмену госрегулирования финансов как “идеологический крестовый поход”. Впрочем, вопреки воле Рейгана закон Гласса–Стиголла все же удалось отстоять. Кризис ссудно-сберегательной системы несколько умерил пыл сторонников дерегулирования, но крах коммунистических режимов, казалось, подтвердил общую уверенность о том, что именно свободный рынок избавит мир от всех зол. На этом фоне некогда консервативный банковский и брокерский бизнес превратился в захватывающее своей азартностью предприятие.

“До тех пор, пока представители политического истеблишмента поддерживали идею о том, что Америке необходимы крупные, не боящиеся рисковать, высокоприбыльные банки, такие представители получали безоговорочные преимущества на любых переговорах”.

В начале 1990-х годов широкое распространение получили производные финансовые инструменты (деривативы). Апологеты отказа от госрегулирования (например, бывший глава ФРС Алан Гринспен) расхваливали деривативы, подчеркивая их достоинства в качестве средства, позволяющего снижать риски. Людям, которые понимали суть этих инструментов, они действительно могли приносить изрядную прибыль, однако для несведущих участников рынка операции с деривативами оказывались крайне рискованными. С появлением кредитных дефолтных свопов и других замысловатых деривативов банкиры обрели новый источник извлечения доходов. Этими финансовыми инструментами активно пользовались крупные банки, которые имели достаточно средств, чтобы покупать первоклассные компьютеры и нанимать аналитиков для разработки трейдинговых стратегий. В итоге банки-гиганты с головой ушли в деривативы, трейдинг и секьюритизацию активов.

“Уолл-стрит постепенно превратилась в заманчивое место работы, с которым традиционная банковская система и рядом не стояла”.

Принятый в 1994 году закон ослабил ограничения на деятельность одного банка в нескольких штатах одновременно, и на практике это привело к тому, что банки начали стремительно увеличиваться в размерах. Избавившись от административно-территориальных оков, банки стали лихорадочно скупать активы. Кроме того, банковские структуры постепенно начали перешагивать ограничения, накладываемые законом Гласса–Стиголла. Банки превращались в мегабанки, сосредоточивая в своих руках колоссальные финансовые ресурсы и обретая невиданное ранее экономическое могущество.

“Идеологический капитал” финансового капитализма

Банки-гиганты активно использовали свое усилившееся влияние в правящих кругах Америки. Становление банковской олигархии имело три источника.

1. **Деньги.** Финансовый сектор – крупнейший спонсор политических крутов США. Так, в одном только 2006 году финансисты выделили на проведение общественно-политических кампаний 260 миллионов долларов (на втором месте оказался сектор здравоохранения – 100 миллионов долларов).
2. **Политическое влияние.** Выходцев с Уолл-стрит регулярно назначают на высокие посты в правительстве США. Министры финансов Роберт Рубин (при президенте Клинтоне) и Генри Полсон (при Джордже Буше-младшем) прежде, чем занять эту должность, руководили Goldman Sachs, причем как раз в тот период, когда этот банк безудержно занимался рискованными финансовыми операциями. А Дональд Риган, министр финансов в правительстве Рейгана, некогда возглавлял Merrill Lynch.
3. **“Идеологический” капитал.** В 1990-е годы понятие “абсолютной свободы капитала” перестало вызывать подозрение. Такая смена взглядов сыграла на руку уолл-стритовскому лобби. Одно дело, когда представители отдельных крутов (например табачные магнаты) тайком продвигают свои интересы, проплачивая закулисные политические сделки. И совсем другое дело, когда эти узкие интересы становятся популярными и востребованными в обществе.

“Недавняя вакханалия финансовых инноваций завершилась столь плачевно прежде всего потому, что финансовые инновации – это совсем не то же самое, что инновации технологические”.

Наглядными примерами всепобеждающего влияния идей либерального капитализма в культуре служат фильм Оливера Стоуна “Уолл-стрит” (1987 год) и книга Майкла Льюиса “Покер лжецов” (1989 год). Задуманные в качестве предостережения, эти произведения, вопреки воле их создателей, возымели противоположный эффект – они вдохновили честолюбивую молодежь на поиски сокровищ в лабиринтах Уолл-стрит. Толпы выпускников элитных университетов устремились на работу в инвестиционные банки. Пока Уолл-стрит наращивала свой “идеологический” капитал, демократы превращались в не менее горячих поборников дерегулирования, чем республиканцы. В 1990-е годы Клинтон и его кабинет уже открыто выступили за отказ от вмешательства государства в экономику. Операции с деривативами по-прежнему осуществлялись бесконтрольно. Конгресс отменяет закон Гласса–Стиголла. Рубин – не единственный высокопоставленный представитель демократической партии, пришедший в политику с Уолл-стрит: Джейми Даймон, глава JPMorgan Chase, тоже вкладывает немалые средства в политические кампании демократов. Его даже прямо называют “любимым банкиром Обамы”.

“Верное решение лежит на поверхности: нельзя позволять финансовым институтам становиться настолько большими, что их уже нельзя обанкротить; а тех, которые на данный момент уже достигли таких размеров, нужно раздробить. Вот и все”.

Ненасытная алчность банков достигла своего апогея в середине 2000-х годов, когда инвестбанки стали налево и направо раздавать ипотечные

ценные бумаги, долговые облигации и прочие средства, позволявшие заемщикам приобретать гораздо больше недвижимости, чем те могли себе позволить. При содействии федеральных властей, всячески поощрявших приобретение гражданами жилья в собственность, инвестиционные банки раздавали ипотечные кредиты практически всем желающим. Банкиры с Уолл-стрит колоссально приумножили свои доходы за счет выдачи рискованных кредитов. Заемщики брали ссуды, не соответствовавшие их уровню доходов, под залог недвижимого имущества, стоимость которого непрерывно росла. Тем не менее аналитические исследования Международного Валютного Фонда солидно утверждали, что ажиотаж вокруг высокорисковых кредитов практически не несет никаких системных рисков.

“Слишком велики, чтобы работать дальше”

В один прекрасный день цены на жилье перестали расти, и ситуация резко изменилась. Bear Stearns и Lehman Brothers обанкротились, однако выжившие банки-монстры сильно не пострадали и в конечном счете стали еще больше. И сегодня пришло время для того, чтобы правительство принудило эти банки к разукрупнению. Эта идея вызывает немало споров, однако для того, чтобы предотвратить новую глобальную финансовую катастрофу, правительство должно как следует расшатать устои банковской олигархии. И похоже, что у этой радикальной меры появляется все больше сторонников. Бывшие председатели ФРС Пол Волкер и Алан Гринспен оба высказались в пользу такого рода действий; к ним присоединился и глава Банка Англии. Может быть, эта идея все-таки не такая уж бредовая, какой она кажется на первый взгляд?

Об авторах

Саймон Джонсон – преподаватель Школы менеджмента имени Слоуна при Массачусетском технологическом институте. Ведет блог “Базовый сценарий” совместно с бывшим консультантом McKinsey & Company **Джеймсом Кваком**.
